

«Он был весьма популярным аутсайдером»

Беседа с Кристофом Вульфом

Насколько мне известно, Вы были другом Жана Бодрийяра. Как Вы познакомились с ним?

Я познакомился с Жаном Бодрийяром в 1981 году, когда мы с Дитмаром Кампером пригласили его и Поля Вирильо на свою конференцию «Возвращение Тела», ставшей отправной точкой парадигмы тела в гуманитарных науках. С тех пор мы очень часто встречались при разных обстоятельствах и стали добрыми друзьями. В эти годы Жан тоже интересовался проблемами, связанными с человеческим телом, с имажинацией и новыми медиа. Его радикальный способ ставить под вопрос эти феномены сделал его известным и популярным. Когда я организовал серию лекций «Страсть и любовь» и попросил его высказать свои взгляды, его выступление собрало более полутора тысяч человек и вызвало бурную дискуссию. Позже мы часто встречались в Париже, в Венеции, в Нью-Йорке и в Берлине. Иногда мы спорили об отношениях между жизнью и смертью, о новых медиа и о многом другом.

Каким человеком был Жан?

Жан Бодрийяр очень хорошо знал немецкий. Он бегло читал и даже переводил немецкие стихи на французский. Мы с ним обычно беседовали по-французски. Но с моим другом Дитмаром Кампером он говорил по-немецки. У нас было много схожих взглядов, но даже когда наши мнения расходились, говорить с ним было большим удовольствием. Видя, что мы с Дитмаром понимаем его идеи, он относился к нам очень открыто и сердечно. У нас были прекрасные мгновения. Я вспоминаю вечер в Нью-Йорке, где я организовал конференцию «Вспоминая конец света» (за десять лет до 11 сентября 2001 г.)... После обеда мы вышли из ресторана и шли по улице, распевая «Singing in the rain»... Хотя мы и были близки, Жан сохранял некоторую дистанцию. Он всегда был сосредоточен на себе и своей работе. Для него это было необходимо. Жан любил представлять свои идеи широкой публике. Он любил провоцировать людей и поражать их своими радикальными творческими перспективами.

Сложилась ли тесная связь между Бодрийяром и немецкими философами?

Жан Бодрийяр не тратил силы на опровержение существующих философских систем, предпочитая развивать свои собственные идеи. Поэтому в мейнстриме философии и общественных наук его принимали не слишком хорошо. Он инициировал множество новых дискурсов. Он очаровывал людей эстетичностью представления своих идей и аргументов. Он был весьма популярным аутсайдером, и даже те, кто критиковал его взгляды, признавали важность его вклада в постомодерную мысль. Некоторые его критики утверждали, что он больше эссеист, нежели академический мыслитель. Во Франции идеи и взгляды Жана вызвали много нареканий. Несмотря на то, что он написал много книг и даже прошёл хабилитацию, в университете Париж-Нантер он оставался «maitre de conference». Звания профессора он не получил.

Жан оказал значительное влияние на искусство и эстетику. В последние годы жизни он с удовольствием представлял публике свои работы как фотографа и художника. Когда мы праздновали его 75-летие в Центре Искусств и Медиа в Карлсруэ, он представил выставку своих фотографий.

В своей критике телесности Бодрийяр оказался радикальнее Мишеля Фуко и провозгласил, что тело — последний оплот метафизики. Между тем, его фотографии выдают напряжённый интерес к человеческому телу. Как Вы можете объяснить это противоречие?

В творчестве Жана Бодрийяра можно обнаружить и то, и другое. С одной стороны, его занимал вопрос о понимании человеческого тела. Наша первая встреча в Берлине в 1981 г. была связана с конференцией «Возвращение тела», где он представил замечательный доклад о теле. На других конференциях он также выражал свой интерес к физической стороне человеческого существования. Даже когда Жан писал про рак, подразумевая ориентацию капиталистического общества на потребление, он использовал телесную метафору...

В той статье о прозрачности секса и порнографии, которую Жан предоставил для одной из моих книг, он развивал представления о том, что порнография — это форма сексуальности, безотносительная к телу. Он считал, что люди уже неспособны переживать своё телесное существование как таковое. Пролиферация образов, преимущественно телесных образов, сделала людей зависимыми от визуального переживания своего тела и тел других. Вместо переживания непрозрачности тела, под влиянием новых медиа люди стремятся к переживанию образов тела. Вместо переживания собственного тела они ищут образы тела. В своих поисках образов тела люди создают новые формы коллективного воображаемого, формирующего заодно и их индивидуальное воображаемое. Распространение образов — вот что характеризует сегодняшние общества и культуры.

Бодрийяр известен как один из самых радикальных ниспровергателей гуманизма. В последние десятилетия, как мне кажется, на Западе возвращается интерес к гуманистическим ценностям. Останется ли Бодрийяр столь же (пост)современным мыслителем, как прежде?

Однозначного ответа на Ваш вопрос не существует. Новый интерес к гуманизму есть, но это не тот гуманизм, который мы знали в середине прошлого столетия. Жан Бодрийяр видел в стремлении к гуманизму упрощение человеческого бытия во всей его сложности. В этом упрощении он видел опасность насилия. Жан полагал, что концепция человеческого бытия как бытия, способного реализовать свои высшие ценности и идеалы, представляет собой редукцию амбивалентной конституции человеческого существования, которое складывается одновременно из положительных и отрицательных ценностей и практик. На его взгляд, человеческое бытие должно противостоять негативистскому развитию обществ, процессам виртуализации и абстракции. Он считал гуманизм попустительством этим негативным тенденциям капиталистического общества. Жан прекрасно знал о том, что человечество не может реализовать свои идеалы, а потому всегда реализует нечто совершенно противоположное тому, что оно больше всего ценит. Гуманизм, согласно Жану, отворачивается от того простого факта, что человек не может адекватно

управлять своей жизнью. Человек не способен действовать в соответствии с гуманистическими ценностями. Он неизменно терпит поражение и становится жертвой своих собственных действий. Гуманизм для Жана — не только центрированное на культуре понятие, но и такое понятие, которое бросает людей в тюрьмы и препятствует им стать тем, кем они хотели бы. Бодрийяр был радикальным критиком оптимистического и наивного представления о человеческом бытии. Его антропологическая критика чрезвычайно важна для тех, кто надеется изменить жизнь человека, для тех, кто рискует забыть о разнице между своими желаниями и реальной возможностью изменить мир.

Беседу провёл А.В. Дьяков